

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА КАК ВЫЗОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Помимо стремления осуществить модернизацию аграрного сектора и восстановить утраченный в революционную эпоху социально-политический баланс, в качестве одной из целей столыпинской реформы выступала кардинальная ломка крестьянского сознания. Так, по словам О.Г. Вронского, государство вознамерилось изменить сознание мужика, вытеснив из его сознания желание пожить за счет частного владельца и казны и насадив идеал личного предпринимательства, минимализируя «урavnительно-распределительные иллюзии “общинного муравья”» [1, с. 345].

Однако столь модные ныне оценки, произвольно завышающие степень готовности крестьянского сознания к восприятию «ценностей производства и творчества, присущих свободной личности», идеализирующие собственно либеральные ценности, рассматриваемые подчас исключительно как положительный антипод архаичным варварским ценностям патриархального сознания, на наш взгляд, лишены конструктивного начала. И если на одной чаше весов находится суждение о необходимости ликвидации рудиментарных хозяйственных отношений, то на другой – вопрос о соответствии проводимых преобразований «базовым инстинктам народа» (П. Сорокин).

Обобщая результаты современных исследований в сфере изучения столыпинской аграрной реформы, можно вести речь о формировании определенной историографической традиции, закрепившей «оптимистическое» прочтение основных итогов анализа. В частности, Б.Н. Мионов в своей монографии оценивает последствия реформы как положительные и перспективные. Согласно с подсчетами автора, уже к началу столыпинской реформы за 1861–1905 гг. около 3,7 млн дворов, или 39 % всех крестьян – членов передельных общин, разочаровались или не доверяли полностью общинным порядкам. К 1917 г. процентное соотношение недовольных увеличилось до 56 % [2, с. 481–482]. Отнюдь не ставя под сомнения вычисления известного историка, позволим себе не согласиться с тем, что приведенные данные являются безусловным показателем естественного процесса разрушения общинного строя и, соответственно, «общинного» сознания.

Общие выводы В.Г. Тюкавкина относительно итогов преобразований также звучат достаточно жизнеутверждающе. По словам автора, за очень короткий срок – 8 лет – 3373 тыс., или 36,7 %, домохозяев изъявили желание (подали заявление) выйти из общины, а если оценивать этот показатель с учетом заявлений о землеустройстве, то окажется, что более двух третей домохозяев-общинников, или 6,2 млн, пожелали получить землю в личную частную собственность, и только Первая мировая война помешала провести реформу для большинства крестьян [3, с. 196–197].

Данные более чем впечатляющие, однако все же не стоит спешить с констатацией необратимых изменений в ментальной сфере. Во-первых, не следует забывать о «разности потенциалов» отдельных регионов к моменту начала реформационных преобразований, о возможном своеобразии «картин мира» крестьянских сообществ в Центре России и на окраинах империи. А во-вторых, признание тезиса об определенной статичности ментальных установок крестьянства не позволяет констатировать столь стремительную динамику ценностных ориентаций, нравственного идеала данной социальной общности: замену традиционного патриархального сознания либеральным, хотя бы в сфере производственно-хозяйственных отношений. К тому же глубинные преобразования производственного уклада в сельском хозяйстве вряд ли могут считаться успешными при ориентации только на экономическую эффективность. Не менее важной целью, спроецированной на жизненный строй сельского сообщества, призвано стать оптимальное решение проблем социальной справедливости [4, с. 121].

Обращение к традиционным каналам социальной коммуникации позволяет воссоздать основные реактивные зоны крестьянского менталитета. В частности, появление в структуре социальных представлений крестьянства категорий, связанных с идеей частной собственности, не могло не «читаться» как серьезная угроза существованию общинного микрокосма. И пока в общественном сознании будет доминировать идея равенства как гарантия выживания социальной общности в целом, подобные угрозы будут вызывать естественные проявления негативных речевых и поведенческих реакций.

Но, пожалуй, самыми убедительными аргументами в пользу существования в крестьянском сознании устойчивого коллективного представления о неприятии этических императивов насаждения частнособственнических устремлений в деревенской повседневности выступают многочисленные факты возвращения укрепивших землю вновь к общинному землепользованию, причем не на условиях продажи либо отказа от прав

собственности, оформленных нотариально (путем продажи обществу земли и вступления затем в общину по приемному приговору общества), а традиционным, закрепленным обычным правом, порядком. Так, в Пензенской губернии местные власти зафиксировали неоднократные случаи «самовольного возврата» в общину в 1909 г., когда выделенцы стали предоставлять свои участки «...в распоряжение общества и получали взамен их другие по жребию, т.е. участвовали в переделах на одинаковых основаниях с общинниками, без изменения, однако, площади земли, показанной в укрепительных документах» [5, л. 2].

В социально-психологическом аспекте движение за возвращение в общину детерминировалось ростом тревожности, опосредованным различными факторами, но так или иначе фокусированным на перспективе возможного нарушения принципа равенства в праве получения земельных наделов соразмерно качеству почвы, а также численности крестьянской семьи при последующих переделах, что воспринималось в качестве основной угрозы стабильности бытия. В ответ на запрос министерства внутренних дел относительно таких «возвращенцев» от 4 августа 1909 г. земский начальник 4 участка Мокшанского уезда сообщал: «Что же касается самовольного возвращения в общину, то таких случаев очень много, так как при существующих в здешней местности ежегодных переделах укрепившие за собой землю пускают в дележ и свою землю наравне с прочими. Точного количества представить не имею возможности, но во всяком случае это большинство из 538 домохозяев, укрепленных мною» [5, л. 52].

Крестьяне демонстрировали стойкое неприятие насаждаемых форм земельной собственности в виде отрубного и хуторского хозяйства. Приоритеты общинников, равно как и выделенцев, достаточно очевидны. В Тепловском обществе того же уезда половина домохозяев укрепила свои участки, но в 1909 г., тем не менее, разделило землю на равное количество паев согласно прежним нормам жизнедеятельности. И хотя укрепившиеся протестовали и даже жаловались в волостной суд, однако отводить землю к одному месту категорически не соглашались, подчеркивая, что «...они укрепляли землю на равных с обществом условиях, т.е. выравнивая качество земли ежегодным трясением жеребьев» [5, л. 55]. В том же уезде в Соловцовской волости все крестьяне Маровского общества к весне 1908 г. укрепили свои наделы в личную собственность, но, тем не менее, ежегодно «выходили в поле и трясли жребий» и т. д. [5, л. 55об.].

По сути дела, «укрепление» воспринималось крестьянами только как право на возможность продажи и желание обезопасить себя от «снятия душ при прибавке таковых молодым», и только этим достигалась остано-

ка дальнейшего «прибавления разверсточных паев». Однако этот мотив можно рассматривать скорее как проявление крестьянского прагматизма, возможно, как основу для последующей модернизации сознания, но, никоим образом как свидетельство уже состоявшейся переоценки ценностей.

В своем стремлении сохранить принципиальные основания организации повседневности крестьяне проявляли особую солидарность и упорство. Чиновники, имевшие непосредственные контакты с крестьянами, эту сторону деревенской действительности определяли как «стадность», коей объяснялось в том числе и большое количество укреплений и появление столь же массовых случаев возвращения в общину. Боязнь разрыва соседских и родственных связей также блокировала устремления властей в деле организации отрубного хозяйства [5, л. 74об.]. В отчетной документации земских начальников Пензенской губернии за 1909 г. содержится крамольный, но выражающий объективное положение дел вывод относительно правительственного курса: «...частные ежегодные переделы пустили настолько глубокие корни, что сразу их не прекратить и закон 9 ноября при этих условиях не может иметь то значение, которое хочет ему придать законодательство» [5, л. 56].

Внутринадельное землеустройство также оказалось для крестьян делом «совершенно новым и малопонятным». Этот факт открыто признавался и чиновниками местных землеустроительных комиссий [6, л. 7]. Поэтому совершенно естественной реакцией общинников на попытки форсировать ход землеустройства будет пассивное противодействие реформе, выражавшееся в обыденных формах сопротивления, в бездействии или саботаже правительственных мероприятий. Проиллюстрируем данный факт на примере Горловского общества с. Кологривовки Мокшанского уезда Пензенской губ. В начале 1909 г. семь домохозяев общества изъявили желание укрепить в собственность свои наделы. Добровольного согласия мира в ходе переговоров достигнуто не было, однако вскоре после безуспешных переговоров горловцы принимают на сходе решение о разверстании всей надельной земли на отруба с отводом каждому домохозяину земли в двух местах, не считая усадьбы [6, л. 12об.]. Губернская комиссия признала такое разверстание «не отвечающим целям землеустройства», предложив крестьянам укрепить землю в один отруб для каждого. Этот вариант, в свою очередь, не устроил горловцев, и сход категорически отказался от проведения землеустроительных работ. Тем временем уездный съезд утвердил проект выделения четырех домохозяев данного общества (остальные под влиянием вышеописанных событий от выделения отказались), и 1 октября 1909 г. непрременный член уездной землеустроительной комиссии при-

ступил к проведению межевания. Тогда горловцы отказались выбирать уполномоченных «для присутствия при размещении укрепленных полос выделявшихся», а когда были задействованы «сторонние понятия», вновь заявили о своем желании всем обществом выйти на отруб. Соответствующий приговор общество через земского начальника передает в землеустроительную комиссию, и, не дожидаясь рассмотрения дела, землемер Козлов 12 октября уже выехал в Кологривовку для производства жеребьевки по распределению участков. Однако сельский сход вновь «уклонился» от участия в землеустройстве, заявив о своем нежелании разверстки по отрубам и отказавшись предоставить рабочих для межевых работ [6, л. 12об.].

Ситуация в Кологривовке рассматривалась на заседании губернской землеустроительной комиссии 16 ноября того же года, так как уездные чиновники потребовали от горловцев возмещения ущерба из-за нарушения прежних договоренностей. Необходимо отметить, что в этом вопросе губернская комиссия под председательством губернатора И.Ф. Кошко выступила на стороне крестьян, признав, что требование возместить убытки несостоятельно, так как общество решилось на выдел «не под влиянием искреннего желания перейти к отрубному хозяйству, а в результате уговоров неприменного члена Мокшанской землеустроительной комиссии», который «сознательно ускорил» процесс из-за опасения, что общество «одумается» [6, л. 6об.]. Характерно, что, по словам представителя уездной комиссии А.А. Попова, непостоянство крестьян в своем отношении к выделению было интерпретировано только как «форма протеста». Как отмечалось в материалах заседания губернской землеустроительной комиссии: «...крестьяне по своей личной инициативе от разверстки не отказались из боязни платить штраф, но, в душе не желая производить таковую, старались косвенными путями если не прямо воспрепятствовать межевой работе, то, во всяком случае, затруднить и даже затормозить». На сходе горловцы заявили представителю губернской комиссии, что никакой разверстки общество не желает и не желало, а если «под влиянием уговора неприменного члена уездной комиссии составило приговор, то только потому, что ему было жаль отдавать под отдельные выделы ту местность, где таковые были намечены» [6, л. 7]. Мы сознательно допустили описание довольно значительного фрагмента из материалов одного из региональных архивов с той целью, чтобы продемонстрировать практически полное отсутствие у жителей с. Кологривовки общего представления о целях и причинах землеустройства и о необходимости и соответствия преобразований их интересам.

Кроме того, следует отметить, что реализация законопроектов, направленных на разрушение общины, привела к нескольким неожиданным результатам, самым серьезным образом расходившимся с идеальным вариантом реформы. Столыпинские выделы из общины провоцировали новые переделы, т.е. объективно стимулировали оживление распределительной функции общины и, соответственно, вызывали новый виток консолидации остающихся в общине крестьян [7, с. 65]. По данным П.Н. Зырянова, после снижения количества переделов в голодном 1911 г., в 1913 и 1914 гг. произошло соответственно 73 и 130 переделов, тогда как в 1912 г. – всего 9 [8, с. 179]), что также может рассматриваться в качестве одной из форм обыденного сопротивления. Побудительной причиной подобной поведенческой практики следует рассматривать архаизацию общественного сознания, детерминированную ростом социально-психологической напряженности и страхом неизвестности. Объединенные общностью переживаний в своем поведении крестьяне будут руководствоваться представлениями, объективно имевшими характер мифологем «общинного архетипа», отраженных в сознании, возможно, только на уровне эмоционального восприятия действительности. Линия раскола, проходя через повседневную жизнь средневолжской деревни, не минует ни одно село, ведь общин, не затронутых процессом укрепления, почти не было.

Библиографический список

1. Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. (Приводя подобное сравнение, О.Г. Вронский обозначил период 1911–1913 гг. как начальный в длительном процессе обретения деревней новых идеалов, хотя общее направление динамики сомнений у автора не вызывает.)
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. I. СПб., 1999.
3. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
4. Коновалов В. С. Крестьянство и реформы: (Российская деревня в начале XX в.): аналитический обзор. М., 2000.
5. ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1715.
6. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 102.
7. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6.
8. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.